

**КАК МЫ
ПРОДАВАЛИ
МАЛИНУ**

Продавали мы на пристани в Галанино не только шишки и орехи, но и ягоды. Сходим в лес с утра, наберем малины по три литра в свои бидончики и босиком, как ходили по лесу, потому что обуви не было, сразу топаем в Галанино. Иногда нас подвозили попутки.

По дороге малина изрядно утрясалась, но продажа обычно шла успешно. Пассажиры с паромов всегда были готовы полакомиться и свежими огурчиками, и свежей ягодой, так что навар был всегда. Но однажды нам с племянником Володькой не повезло.

Притащились мы с ним как-то на пристань усталые, поставили на землю свои бидоны и ждем парохода «Мария Ульянова». Июльская жара. Мы и не заметили, как задремали. Проснулись - а бидонов-то и нет. Мы растерялись, не знаем, что делать. Хорошо, подошла к нам какая-то тетка, торговавшая соевыми огурцами, и шепотом сообщила: «Ваши бидоны схватил местный воришка Митька и побежал вон туда», - и показала в сторону одинокого дома, стоявшего на берегу. Мы в отчаянии рванули туда, не надеясь на удачу. Но вдруг увидели, как длиннющий пацан бежит с нашими бидонами вдоль огородов. «Стой! - заорали мы. - Стой!» Но парень продолжал удирать от нас во все лопатки. Мы его все-таки догнали, я сделал ему подножку (драться я умел), он упал, бидоны разлетелись в разные стороны, малина рассыпалась в дорожной пыли. Отмутузив со злости грабителя, мы решили поскорей убраться вос-

вося, боясь, что к нему может прийти поддержка. Ни с чем мы пришли в Рождественское.

«Больше торговать в Галанино не отпущу, - выговаривала нам мать Володьки и моя сестра Галина Яковлевна. - В колхоз завтра пойдете, на метку, бригадир приходил».

Колхоз - дело святое. Отправились мы назавтра в поле метать сено, приумножить богатство колхоза имени Кирова. Но про торговлю не забыли, так как за работу в колхозе не получали почти ничего, трудодни, на которые потом, осенью, выдавали зерно или что-нибудь еще, что было в колхозе. Так это еще когда будет! А за малину мы выручали живые деньги и сразу, сейчас. А они в семье были очень нужны.

**КАК МЫ
ВОРОВАЛИ
ОГУРЦЫ**

Собирать в лесу малину и затем торговать ею на пристани - это был честный способ заработать немного денег. Но были и другие, о которых сегодня и признаваться стыдно. Например, продавать на пристани огурцы, добытые на чужих, соседских, грядках. Такое случалось редко, но бывало (когда уж совсем безденежье доставало). Чаще мы воровали чужие огурцы из озорства, потому как дома у каждого что-то, а огурцы росли на навозных грядках всегда, иначе зимой на стол и поставить нечего было бы.

Но... свое - это свое, а чужое - оно всегда почему-то вкуснее. Тем более добытое с риском для заднего места. В общем, нам не хватало в своих огородах адреналину, как бы сегодня сказали. А вот в чужом огороде его было в избытке...

Нам очень нравилось

**Юрий Варугин:
«Это было недавно, это было давно...»**

О чем только ни вспомнишь, думая о прошлом. В памяти всплывают самые яркие страницы жизни, которые некогда грели мою душу, волновали ум и заставляли сильнее биться мое сердце. Так и хочется воскликнуть вслед за Иваном Сергеевичем Тургеневым: «Ах, юные годы, чудесные дни, как вешние воды промчались они. А было в прошлом всякое. Ну, разве можно, например, не вспомнить, как я в детстве пас свиней и овец, как во время сенокоса «гуська гоняли» (что это такое, поймете после). Доводилось мне в подростковом возрасте и баржи разгружать, чтобы в школе на штаны новые заработать: все-таки взрослым парнем становился и очень хотелось, как можно помоднее выглядеть перед девчонками.

рисковать. Один шарит по грядкам, другой стоит «на вассаре», то есть на стреме. Добыча часто была приличная. Загрузив широкие карманы залатанных штанов, мы, довольные, перелезали через городьбу. Звездная ночь оглашалась неистовым собачьим лаем, а мы с нашими подружками (как же было не похвалиться перед ними своей «разбойной» добычей!) спешили поскорее убраться с места преступления. Отыскав удобное местечко на берегу Черной, мы сообща начинали наслаждаться дарами июльского лета.

А на другой день по селу шли слухи: «К Кулаковым опять кто-то в огород забрался, все грядки потоптал!» «Хулиганье! - кричала то одна хозяйка, то другая, обнаружив следы ночных гостей и на своих грядках. - В сельсовет пойдем жаловаться!» Взрослые, очевидно, напрочь забывали тот факт в их биографиях, что они в свое время, в детстве, тоже в чужих огородах бывали не раз...

Большими мастерами огородных дел считались у нас мой племянник Вовка Соколов и Санька Белоногов. Вот уж их-то хлебом не корми, только дай в чужой огород забраться. Особенно охоч был до чужих огурцов Вовка. Рос он быстро и постоянно ощущал пустоту в желудке. То он днями шастал по лесам, чтобы нарвать петушков, саранки и пучек и нажраться вдоволь (отчего у него постоянно болел живот), то он в очередной огород забирался, чтобы и самому наесться и нас угостить. Летом мы спали обычно под открытым небом на крыше, и он после каждой удачной охоты, пыхтя, взбирался по лестнице к нам и угощал нас своим богатством: кому - морковку в зубы, кому - огурец.

Грешили огородами не только подростки, но и взрослые. Жил в свое время в Рождественском знатный механизатор Мишка Белоногов (брат Саньки). Тот еще шутник и юморист деревенский был. То он блох при всем честном народе начнет вытрясать. Снимет штаны, трясет ими и приговаривает: «Вон отсюда, вон!» Девчонки в хохот, а ему хоть бы хны. То еще что удумает. Жил он, как

сейчас говорят, человеком без комплексов.

Не забывал он и про огороды. Идет, бывало, с работы чумазый, усталый, а во рту непременно огурец торчит. Срывал он его с приветливой грядки скотницы Ульяны. Огород ее находился у него по пути. Перемахнет через городьбу, нарвет с грядок, чего надо, и довольный идет, нахрустывает.

Но однажды чуть не погорел. Только он вылез из огорода, навстречу - Ульяна (на обед пришла). «Здравствуй, тетка Ульяна! - не растерявшись, весело крикнул Мишка. - Угощайся!» - «Ой, спасибо, Мишенька, где ж это такие хрушки (т.е. большие) огурцы растут?» - спросила она. «В нашем огороде», - не задумываясь, ответил он. «Ой, а у меня в этом году ничего не выросло, прямо беда!» - «Не печалься, тетка Ульяна, я тебя каждый день угощать буду!» - «Спасибо за доброту, Мишенька, весь в отца! - расчувствовалась скотница. - Жаль, на фронте погиб»).
Так Мишка, Михаил Федорович (года три назад он умер), каждый день в обед стал угощать назадачливую Ульяну, пока однажды не прихватила она его в своем огороде (не успел выпрыгнуть до ее прихода): «Ах, ты, варнак-варначище! Это ж сколько же ты моих огурцов сожрал! Бесстыдник! Пойду матери нажалуюсь!»

Пришлось Мишке долг отдавать. Нарвал он целое ведро огурцов в других огородах, отдал ей и сказал: «Не ругайся, тетка Ульяна, это вот все тебе!» - «Ладно уж, не ругаюсь, я сама в детстве по огородам лазила, когда еще замужем не была за покойным мужем, тоже его на войне убило». И расчувствовалась до того, что напоила Мишку чаем с земляничным вареньем.

Эту историю мне рассказал Михаил Федорович незадолго до смерти. Человеком он был прекрасным, добрым, хорошим отцом и дедом. На мотоцикле летал, как стрела. А главное, он был незаменимым в деревне мастером шутейных дел, таким рождественским дедом Шукарем.

Продолжая эпопею огородных дел, не могу не вспомнить случай, произошедший в небольшом огороде ссыльной еврейки Мины. Любимейший ее сынок Бенья, выросший в среде деревенских сорванцов, ничем не отличался от своих сверстников. И вот однажды, выпив красного вина со своим закадычным другом Мишкой Поповым, он изрядно захмелел, и его потянуло, как говорится, на подвиги. «Пока не залезу в чужой огород, не успокоюсь! - категорично заявил он Мишке. - Веди меня!» И Мишка

привел. Но не к чужому огороду, а к собственному Бениному (тоже был шутник добрый). «Вот, - сказал он Бене, - забирайся и рви. Хозяйка на работе, дома никого нет».

Это еще больше раззадорило пьяного Бенью. Ох, и досталось же бедным грядкам от него! «Это что? Это разве огурцы?» - кричал пьяный Бенья, рьяно расчищая грядку от плетей с зародышами. - А это разве морковка?» И Бенья в мгновение ока опустошил все грядки. Огурцы и морковка разлетались во все стороны по огороду. А Бенья, свирепствуя, все приговаривал: «Это разве огурцы, это разве морковка? Вот у нас с мамой Миной - овощи, так овощи, огурцы». - Это издевательство над огородом продолжалось бы еще долго, если бы спохватившийся дружок Мишка, сообразив, что дело принимает скверный оборот, силком не выволок Бенью из его собственного огорода.

«Это какой же разбойник так безжалостно разорил наши грядки?» - причитала потом Мина. - Ой, ой, как же мы зиму жить-то будем?».

Стало ли когда-нибудь известно бедной женщине отом, что этот «разбойник» - ее собственный сын, признался ли он ей, тайна, открытая мраком. Вскоре они уехали в Латвию. Мина давно уже умерла. Бенья многие годы был каким-то крупным инженером или на фабрике, или на заводе. Был он с тридцатого года, так что, может, еще жив. А Мишка Попов несколько лет назад умер. Он долго жил в Мокрушинском и был хорошим шофером.

В последний раз залез я в чужой огород за подсолнухами перед армией. Захотелось на прощание угостить свою подружку Томку семечками. Операция «Подсолнух» прошла успешно. И этот мой рыцарский поступок остался в моей памяти навсегда, да и в памяти Томки - тоже. Хотя мне сегодня кажется, что запомнился этот случай мне не из-за подсолнухов, а из-за Томки...

Сегодня молодежь в чужие огороды не лазит, голод ее не мучает, да и выглядеть перед девушками рыцарями парни уже не хотят и не умеют. У них другие приоритеты, другие интересы. А мы еще были романтиками, как ни странно это звучит по отношению к тем, кто зарится на чужое добро. Но мы не были грабителями, не были ворами, не были наркоманами и никого не убивали - в отличие от многих сегодняшних молодых. Озорничали мы - это да, было. Но без зла, которого с тех пор на нашей планете стало значительно больше...

Юрий ВАРУГИН,
с. Казачинское

